

ЛИТЕРАТУРА

1. Солощук Л. В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англomовному дискурсі : монографія / Л. В. Солощук. – Харків : Константа, 2006. – 298 с.
2. Reilly 'O. T. What is web 2.0 [Электронный ресурс] / Т. О'Reilly // Режим доступа к журн. : <http://www.oreilynet.com/pub/a/oreilly/tim/news/2005/09/30/what-is-web-20.html>
3. Спивак В. А. Корпоративная культура / В. А. Спивак. – СПб. : Питер, 2001. – 352 с.
4. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов [Электронный ресурс] / А. А. Кибрик // Режим доступа к журн. : <http://www.russian.slavica.org/article8595.html>

УДК 821.14.01

Волкова А.А., Фащанова С.В.
(Томск, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В МЕДИАДИСКУРСЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ*

Стаття присвячена питанням аналізу результатів психолінгвістичного експерименту, мета якого – виявити кількість випадків розуміння/нерозуміння прийомів мовної гри, зафіксованої у спонтанному радіодискурсі, і визначити причини нерозуміння.

Ключові слова: розуміння, мовна гра, психолінгвістичний експеримент, медіадискурс.

Статья посвящена анализу результатов психолингвистического эксперимента, цель которого – выявить количество случаев понимания/непонимания приемов языковой игры, зафиксированной в спонтанном радиодискурсе, и определить причины непонимания.

Ключевые слова: понимание, языковая игра, психолингвистический эксперимент, медиадискурс.

This article analyzes the results of psycholinguistic experiment, the purpose of which - to reveal the number of cases of understanding / misunderstanding of word play receptions, recorded in the spontaneous radiodiscourse, and to determine the cause of misunderstanding.

Key words: understanding, word play, psycholinguistic experiment, mediadiscourse.

В ходе восприятия и понимания информационного сообщения важную роль играет собственно языковое содержание текста, а также контекст, в котором реализуется данный коммуникативный акт. Однако ведущая роль в процессах понимания, интерпретации, осмысления текста принадлежит реципиенту. Реципиент может усмотреть в сообщении даже такие дополнительные смыслы, которые не были заложены в текст автором. Можно

* Исследование выполнено при поддержке фонда РФНФ, проект № 11-34-00365а2 «Медиадискурс в аспекте коммуникативной успешности/неуспешности»

предположить, что достоверными являются та интерпретация и то понимание, которые вскрывают наибольшее число граней понимаемого и ведут к наиболее полному видению объекта. Достоверность понимания текста определяется многими факторами. Среди них можно назвать, например, «готовность реципиента усматривать разные грани понимаемого, а не значение текста как его плоскую проекцию» [1: 122]. При этом мы исходим из того, что существует «объективный вариант интерпретации, наиболее приближенный к первоначальному авторскому замыслу. Нельзя говорить об абсолютной свободе выбора реципиентом интерпретационного содержания в процессе восприятия и понимания текста. Согласимся с мнением автора, что «каждый из реципиентов имеет свою собственную точку зрения, свой опыт, который он использует для освоения содержательности и обогащает освоенной содержательностью. Тем не менее, это не означает произвола в понимании текста. Всегда существует некоторый содержательный инвариант, который объективно определяется самим текстом, средствами, имеющимися в нем» [1: 121].

Адекватность понимания в значительной мере зависит от степени владения реципиентом техниками понимания. Следуя определению Г.И. Богина, «техники понимания – это совокупность приемов системомыследеятельности (СМД), превращающих непонимание в понимание, а в оптимальных случаях превращающих понимание в мастерство. Владение техниками понимания – это «мастерство ума». Научение рефлексии, включающее научение техникам понимания, позволяет человеку понимать самому, а не повторять чье-то “готовое понимание”» [2: 15]. Исследователь полагает, что научиться пониманию возможно, только научившись рефлексии. Рефлексия – основополагающее понятие в процессе понимания. Это родовое понятие по отношению к пониманию, понимание и есть организованность рефлексии [3: 30]. Термин «рефлексия» употребляется в значении, введенном Джоном Локком, который полагает, что рефлексия – это “наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления” [4: 129]. Конечная рефлексия при прочтении какого-либо текста – это рефлексия опыта, который сформировался в процессе восприятия, понимания, смыслообразования, наращивания смыслов. Этот опыт складывается именно в процессе действий с множеством последовательных и логически взаимообусловленных микроконтекстов. Все техники понимания рефлексивны.

Исследователь выделяет несколько техник понимания, особое внимание уделяя технике интендирования (усмотрения смыслов). Усмотренный смысл для реципиента может трансформироваться в «смысл-воспоминание, смысл-напоминание, смысл-отношение, смысл-переживание (в том числе и значащее переживание) и пр.» [2: 16].

В соответствии с обозначенным подходом, в процессе понимания текста накладываются и вступают во взаимодействие такие значимые составляющие, как содержательность текста и опыт реципиента. Поэтому целесообразно выделить предмет понимания – «грань понимаемого» [3: 30]. Так как опыт и деятельность человека меняются в соответствии с развитием человека и объективными временными условиями, грани понимаемого могут расширяться или сужаться, могут появляться новые актуальные грани понимаемого. Понимание – не только воссоздание сконструированного мышлением автора содержания и смысла текста, но и трансформации одного набора граней понимаемого в другой, так как способы деятельности автора и воспринимающего информацию

реципиента различны. Поэтому понимание «выявляет в одном и том же тексте разные смыслы» [3: 30].

Такие процессы, как рефлексия, восприятие, понимание, могут протекать синхронно или в различных комбинациях, они неотрывно связаны с опытом реципиента. Эти процессы тесно взаимосвязаны с коммуникативным опытом реципиента, обуславливающим характер вероятностного прогнозирования, которое основано на принципах когнитивной психологии. Понимание воспринимается больше как подтверждение гипотезы о том, каким представляется мир, чем просто первоначальное усвоение новых фактов [5: 342].

Н.Д. Андреевым различаются два типа вероятностей: речевая вероятность и языковая вероятность, под речевой вероятностью понимается объективная вероятность появления языковой единицы в речи, а под языковой – отражение речевых вероятностей в сознании носителя языка [6: 23]. Языковая вероятность, так как ее понимает Н.Д. Андреев вслед за Л.В. Щербой, есть компонент речевой организации индивида.

Вероятностное прогнозирование – феномен функциональный, поскольку сущность его заключается в использовании коммуникантом информации, имеющейся в его прошлом опыте, для прогноза событий в будущем. Для вероятностного прогнозирования в речи источником информации является речевой опыт индивида. При этом, как отмечал Л.В. Щерба, «речевая организация человека никак не может просто равняться сумме речевого опыта (подразумеваю под этим и говорение и понимание) данного индивида, а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта. Эта речевая организация человека может быть только физиологической или, лучше сказать, психофизиологической» [7: 307]. Механизм вероятностного прогнозирования является фактором, определяющим переработку речевого опыта и, соответственно, его последующую организацию, фактором, влияющим на адекватность восприятия и понимания текста.

В ходе настоящего исследования обнаружено, что механизм вероятностного прогнозирования значительно упрощает общий процесс понимания различных видов текстов. Данный механизм часто срабатывает в заголовках журнальных статей. Читатель предугадывает ход развития текста в соответствии с предложенным заголовком, а также собственными традиционными представлениями, стереотипами по заданной тематике.

1. «*Экзотический шопинг*» («Комильфо»),

2. «*Russian fashion week: meppumopия pert-a-porte*» («Комильфо»).

В первом заголовке автор анонсирует последующую информацию, задает тему статьи. Очевидным становится, что речь пойдет о покупках, но в чем их экзотичность, читатель может лишь предполагать. Автор создает некую «интригу», чтобы привлечь читателя к прочтению всей статьи, побуждает читателя к прогнозированию содержания предлагаемого текста.

Название второй статьи содержит минимум информации о событии, описываемом в основном корпусе статьи. Ее название на английском языке «*Russian fashion week*» (Российская неделя моды) тоже определяет тематику статьи (для владеющих английским языком) и дает возможность читателю предположить дальнейший ход развития текста. Учитывая, что целевая аудитория преимущественно в той или иной мере владеет английским языком, автор рассчитывает на то, что вероятное прогнозирование, направленное на содержание текста, реализуется.

Намеренное нарушение вероятностного прогнозирования часто происходит в случае использования клишированных языковых выражений с целью создания языковой игры. Ср.: *«Спасение в душе. Многофункциональная душевая кабина»* («Комильфо»). Вероятностное прогнозирование нарушено в результате ассоциирования заглавия (первой его части) с известным прецедентным выражением. В условиях печатного текста, когда не с первого прочтения можно разграничить омографы, автор вправе рассчитывать на оценку своей языковой креативности, которую можно квалифицировать как способ воздействия на адресата.

В статье под названием *«Набрать очки»* («Серебряный кофе», №26), где речь идет о моде на очки в новом сезоне, также использован стилистический прием игры слов, основанный на многозначности обоих слов заголовка.

В процессе исследования была выдвинута гипотеза, что языковая игра является одним из языковых средств, используемых с целью намеренного нарушения вероятностного прогнозирования. Данное свойство языковой игры позволяет ей выполнять не только развлекательную функцию, выступая в качестве эстетического компонента коммуникации, но и реализовывать конкретные коммуникативные цели отправителя игры. С целью верификации данной гипотезы был проведен психолингвистический эксперимент. Источником материала для психолингвистического эксперимента послужили фрагменты радиоречи, записанные на радиостанциях «Русское Радио», «Радио Сибирь», «Радио Маяк», «Эхо Москвы». Участникам эксперимента было предложено 16 текстов, содержащих языковую игру и контекст, достаточный для ее понимания. Эксперимент проводился среди студентов Томского государственного университета, всего в эксперименте приняли участие 80 информантов, зафиксировано 1280 реакций (реакцией считается ответ на вопрос, поставленный в рамках одного контекста). Возраст испытуемых от 16 до 25 лет; они относятся к целевой аудитории радиостанций, послуживших источником исследуемого материала, что позволяет говорить об объективности и достоверности полученных экспериментальных данных.

Участникам эксперимента предлагалось прочитать фрагмент радиоречи, содержащий языковую игру и ответить на ряд вопросов. Методологической основой для разработки опросных листов послужили работы А.А. Волковой [8], А.Г. Кротовой [9], Ю.О. Нестеровой [10].

Общая цель эксперимента – выявить степень эффективности приемов языковой игры как средства речевого воздействия. Данная цель была реализована посредством решения конкретных задач:

- 1) определить коммуникативную успешность / неуспешность приемов языковой игры;
- 2) выявить случаи коммуникативных неудач и установить их причины;
- 3) определить отношение целевой аудитории к приемам языковой игры в радиодискурсе.

Основной задачей эксперимента было обнаружение ситуаций коммуникативных неудач, под которыми понимается «возникшее в условиях радиодискурса несовпадение коммуникативных намерений говорящего и их прочтения слушающим, т.е. полное или частичное непонимание высказывания одним из участников коммуникации и/или возникающий при этом непредусмотренный эмоциональный эффект [11: 99].

Методика проведения эксперимента была следующая:

1. Информанты должны были внести анкетные данные: пол, возраст, образование, отметить названия радиостанций, предпочитаемых для прослушивания.

2. В предложенных текстах жирным шрифтом была выделена часть, содержащая языковую игру. Участникам эксперимента необходимо было ответить на ряд вопросов после каждого текста:

1) Понятно ли вам значение выделенного слова (словосочетания)?

А) Если «Да», объясните значение выделенного слова (словосочетания);

Б) Если «Нет», полагаете ли вы, что наличие данного слова (словосочетания) в тексте затрудняет понимание данного текста.

Нет / Да (объясните почему).

2) Как Вы оцениваете такую языковую игру (использование цитат, знакомых текстов и т.п.)?

3) Для чего используют радиоведущие этот прием языковой игры?

Участникам эксперимента для интерпретации предлагались следующие фрагменты радиодискурса:

1) *Вот сейчас приду домой/ и с ленивочкой в руках/ сяду перед телевизором//* («Русское Радио»);

2) *На русскорадийном пульте сегодня я// Жека Дубов//* («Русское Радио»);

3) 1й Ведущий: *Слышал?// скоро к нам придет Жириновский//*

2й Ведущий: *Ну что ж/ посмотрим/ что он в Томске **нажириновничает**//* («DiFM»);

4) *Привет-привет!// это чарт-шоу на «Love-радио»/ и начнем мы с тех/ кто покидает нас на этой неделе/ тех/ кто **отчартился**//* («Love-радио»);

5) *Дорогие друзья!// вот и наступил тот час/ когда вы можете/ **собственногласно** поставить вашего любимого исполнителя на первое место!//* («Радио Сибирь»);

6) ***Невооруженным ухом/ этого не заметишь//*** («Радио Сибирь»);

7) ***У руля «Авторадио»/ сегодня самые веселые ведущие //*** («Авторадио»);

8) ***Большой сибирский привет** ловите/ дорогие наши слушатели!//* («Радио Сибирь»);

9) *Время передавать приветы/ и **резвиться на волнах** любимого радио!//* («Русское Радио»);

10) ***Могут все короли// это только в песнях// а в Шри-Ланке даже депутаты парламента <...> женятся/ в общем-то/ с достаточно прагматическими интересами//*** («Эхо Москвы»);

11) ***Лаура Чинчилья Миранда// начальница и красавица// скорее всего/ умница/ но не спортсменка/ и не комсомолка/ а даже вовсе наоборот// она юрист/ и незыблемый консерватор/ да еще президент//*** («Эхо Москвы»);

12) *После интервью находилась под впечатлением/ и прослушала еще раз// **ах/ какая женщина!// нам бы такую!// а ваши впечатления?//*** («Эхо Москвы»);

13) ***Студент!// университет призывает тебя креативом жечь сердца людей!//*** («Радио Сибирь»);

14) *Интересной была реакция на визит американского президента// не оправдала она ожиданий// всем американским журналистам хотелось **обамомании**//* («Эхо Москвы»);

15) *Наша страна/ она находится между Европой и Азией// вот такая Азипа в какой-то мере// («Эхо Москвы»);*

16) *<...> те люди/ которые побывали в Мексике/ не могут не знать этого имени// Карлос Слим Эллу/ потому что некоторые экономисты <...> даже называют Мексику **Слимляндией**// и говорят о том/ что любой человек/ который приехал в Мексику/ хотя бы 1 доллар оставит в компании этого человека// («Эхо Москвы»).*

Проанализировав результаты психолингвистического эксперимента, можно сделать вывод, что языковая игра радиослушателям понятна. Даже в своих самых необычных формах (например, окказионализмы) приемы языковой игры верно интерпретированы большей частью информантов (50% и более) и положительно ими оцениваются (часто встречаются реплики типа: *«игра слов – это хорошо»*; *«интересная фраза»*; *«интересное слово»*). Наиболее эффективными в коммуникативном плане приемами языковой игры являются использование трансформированных прецедентных текстов и метафоры. Окказиональные слова в силу своей новизны и экспрессивности в некоторых случаях вызывают затруднения в понимании, однако не влияя на понимание всего высказывания в целом. Эксперимент дает основание говорить о том, что языковая игра в радиодискурсе не является причиной коммуникативных неудач, а в большинстве случаев помогает установить контакт между слушателем и ведущим, тем самым повысить успешность/ эффективность общения в радиодискурсе.

Характеризуя окказиональное словообразование как прием языковой игры в целом, нужно отметить, что подавляющее большинство участников эксперимента (более 60%) могут определить значение окказионального слова с помощью контекста, не испытывая затруднений. Примерно столько же информантов положительно оценивают создание окказиональных слов и их употребление в радиодискурсе. Многие из них (20% информантов) отмечают, что окказиональное словообразование как прием языковой игры менее удачно по сравнению с использованием трансформированных прецедентных текстов, несмотря на свою необычность и новизну. В качестве одной из главных причин затруднения в понимании окказиональных слов была названа необходимость обращения к контексту. Часть информантов объяснила эти затруднения тем, что радиоречь непрерывна, поэтому вернуться к предшествующему контексту невозможно, следовательно, значение многих окказиональных слов для слушателя остается непонятным. Сложным является и процесс поиска мотивирующего слова (слов), что также отнимает время и не способствует пониманию. Однако общая оценка данного приема языковой игры участниками эксперимента такова: *креативно, привлекает внимание, изюминка речи, придает радиоречи неофициальность и непринужденность* (около 40%). Несколько участников эксперимента (около 5%) предложили радиоведущим свои рекомендации к созданию подобных слов, которые сводятся к следующему: значение окказионального слова должно легко угадываться по его звуковой форме без обращения к контексту.

Очевидно, что нарушение механизма вероятностного прогнозирования на какое-то время затрудняет понимание текста. Однако надо отметить, что использование этого приема мотивировано ничем иным, как только авторской интенцией. Авторы часто используют данный прием с целью обратить внимание реципиента на информацию, иными словами, оказать какое-то воздействие на адресата: заставить задуматься, рассмешить, шокировать и т.п. Высказывания с нарушением вероятностного прогнозирования при-

обретают по мере развертывания текста, вопреки ожиданиям реципиента, иной смысл.

Таким образом, для успешного взаимодействия в процессе медиакommunikации важна всесторонняя коммуникативная компетенция участников, основу которой составляет не только умение создавать и передавать информационные сообщения, но и навыки раскрывать смысл получаемой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галеева Н.Л. Достоверность интерпретации художественного текста как предпосылка его понимания // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики. Сб. науч. тр. – Тверь, 1994. – С.120-126.
2. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. – Тверь, 2001. – 726с.
3. Щедровский Г.П., Якобсон С.Г. Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание» // Мышление и общение. – Алма-Ата, 1973. – С.30.
4. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Избр. философские произведения. – М., 1960. – Т.1. – 130с.
5. Григоренко И.Н., Рыбникова В.А. Категории восприятия и понимания текста и аспекты их реализации // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. Сборник статей научно-методического семинара «Textus». – Ставрополь, 2001. – Вып.6. – С.340-344.
6. Андреев Н.Д., Зиндер Л.Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка // ВЯ. – 1963. – Вып.3. – С.23-30.
7. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч.2. – М.: Просвещение, 1965. – С.301-313.
8. Волкова А.А. Стратегия обеспечения понимания текста с иноязычными вкраплениями (на материале региональных рекламно-информационных журнальных текстов): дис. ... канд. филол. наук / А.А. Волкова. – Томск, 2009. – 204с.
9. Кротова А.Г. Лексическая норма и ее отражение в языковом сознании носителей языка (опыт экспериментального исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Кротова. – Красноярск, 2011. – 24с.
10. Нестерова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук / Ю.О. Нестерова. – Владивосток, 2001. – 225с.
11. Босый П.Н. Современная радиоречь в аспекте успешности / неуспешности речевого взаимодействия: дис. ... канд. филол. наук / П.Н. Босый. – Томск, 2006. – 206с.